

Рец. на: В.С. Груздинская, А.И. Ключев, О.В. Метель. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. Омск: Издательский центр КАН, 2018. 171 с.

Vitaly Tikhonov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for Humanities, Moscow)*

Rec. ad op.: V.S. Gruzinskaya, A.I. Klyuyev, O.V. Metel'. Ocherki istorii institutsional'noy struktury sovetsoy istoricheskoy nauki 1920—1930-kh gg. Omsk, 2018

DOI: 10.31857/S086956870013890-0

Институциональная история советской исторической науки может показаться темой далеко не новой и даже скучной. Многочисленные юбилейные истории научно-исследовательских институтов и исторических факультетов высших учебных заведений уже набили оскомину и вызывают интерес разве что как справочные издания. Тем острее ощущается потребность в полноценном, непарадном и высококачественном исследовании, в особенности первых послереволюционных десятилетий, наполненных экспериментами и драматическими событиями. Новая книга авторского трио В.С. Груздинской, А.И. Ключева и О.В. Метель поставила цель хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию¹. Стоит отметить, что она уже привлекла внимание специалистов и вызвала в целом положительный отклик².

Издание состоит из шести очерков и двух приложений. Очерки подготовлены с учётом новейшей литературы и архивных находок. Авторы признают, что внутренняя структура очерков неоднородна, поэтому не следует ждать от них единообразной архитектоники. Книга не даёт исчерпывающее описание становления и развития институтов советской исторической науки, она сосредоточена на концептуальных

проблемах, выявлении спорных вопросов и анализе отдельных (но показательных) казусов.

Концептуально исследование построено на классическом институциональном подходе. Термин «институт» (институция) используется для обозначения преимущественно формализованных научно-исследовательских и образовательных структур, преследующих конкретные, документально закреплённые цели и задачи» (с. 13). Авторы сознательно отказались от изучения институтов как неформальных объединений учёных (под которыми они, похоже, понимают только научные школы и «незримые колледжи») и как социально-культурных установок, определяющих взаимодействие акторов в какой-либо сфере. Насколько это правомерно? Безусловно, выбранный подход имеет право на существование, хотя и настораживает узостью. Но мне кажется, что продуктивнее смотреть на советские научные и образовательные учреждения, в особенности 1920—1930-х гг., как на своеобразную «институциональную матрёшку», в которой неформальное встраивается в официальное. Эту особенность нужно учитывать обязательно. Исследование самоорганизующихся сообществ необходимо ещё и потому, что именно они оказываются наи-

более живучими в «эпоху катастроф» (а революционное и постреволюционное время, несомненно, относится к таковым), когда происходит ломка старых официальных институтов, выступают каркасом и ключевым фактором сохранения науки и её существования в новых условиях³.

Первое послереволюционное десятилетие породило или активизировало в академической среде множество форм объединений (кружки, журфикисы и т.д.). В свою очередь советская реальность также способствовала появлению многочисленных институций, встраивавшихся в структуру научных и образовательных учреждений. Например, партийные организации делили учёных по признаку принадлежности к РКП(б), а партия обладала реальным влиянием на развитие факультета или НИИ. Историки разбивались на «кланы», выстраивали патронажные сети⁴, формировали ситуационные коалиции и т.д. Внимательное изучение этого процесса ещё впереди, но без него понять логику развития науки вряд ли возможно.

Особенность подхода авторов — отказ от взгляда на сообщество учёных как пассивный объект политики большевиков. Наоборот, подчёркивается, что развитие сети институций происходило в том числе и благодаря инициативе самих историков, пользовавшихся окном возможностей, открывшимся благодаря отмене дореволюционных ограничений (с. 20). Таким образом, работа вписывается в отчётливо наметившийся в историографических исследованиях вектор отказа от виктимизации учёных в их взаимодействии с властью. В этой связи интересно, что историографические (и, шире, науковедческие) штудии проходят тот же путь, что и исследования советского общества. Напомню, что в 1960-х гг. отказ части

историков от тоталитарной модели породил появление «ревизионистской» историографии, делавшей акцент на субъектность общества и конкретного человека в его взаимодействии с «красным левиафаном». Интересно, перерастёт ли мода на субъектность в моду на «советскую субъективность»? Появятся ли исследования не только того, как историки жили по-советски, но и того, как начинали думать по-советски? Такие попытки можно усмотреть в ряде недавних работ⁵, но проблема и подход к ней требуют основательной методологической проработки.

Специальный очерк посвящён проблеме периодизации развития научно-исторических институтов. Первый период (с конца 1910-х до середины 1930-х гг.) был, по мнению авторов, «связан с поиском новых, советских форм организации исторической науки». Второй начался в середине 1930-х гг. и закончился незадолго до Великой Отечественной войны (с. 44, 73). Насколько удачно данное членение? В рецензии С.Б. Криха уже высказано сомнение в том, что институциональная структура исторической науки приобрела устойчивые черты к началу войны. Он относит завершение этого процесса к послевоенному времени или даже к началу 1950-х гг.⁶ Не буду спорить по поводу верхней границы, хотелось бы усомниться в правомерности ведения отсчёта с конца 1910-х гг. Сразу возникает вопрос: а что подразумевается под «советскими формами»? Если имеется в виду идеологическая составляющая, то это скорее не форма, а содержание. Если же речь идёт о системе научно-исследовательских институтов как основе развития науки, то её появление (в том числе и учреждений исторического профиля) следует отнести к концу XIX в. Например, ещё в 1894 г. в Константинополе открылся Русский

археологический институт. В 1917 г. появился Кавказский историко-археологический институт⁷. Стоит подумать над тем, чтобы отказаться от прямолинейного рассмотрения 1917 г. (или конца 1910-х гг. как более осторожной формулировки) как начала институциональной перестройки отечественной исторической науки. Безусловно, Первая мировая война и революция резко ускорили процесс, но начался он задолго до этого.

Ещё одно соображение, напрямую касающееся проблемы периодизации и вообще развития советской исторической науки: как быть с массовыми историческими проектами, сочетавшими формы общественного движения и научно-исследовательской институции? Имеются в виду истпарты (1920-е — конец 1930-х гг.), редакции «Истории фабрик и заводов» (1931—1938) и «Истории гражданской войны» (1931—1947), Комиссия по истории Великой Отечественной войны (1941—1945) и др. Именно в них и реализовывалась авангардная установка советского проекта на вовлечение в историю простого человека. Они несколько выбиваются из предложенной периодизации, да и вообще не отражены в рецензируемом труде. Но можно ли исследовать институциональную историю советской исторической науки без них — большой вопрос.

Интересны соображения авторов о роли Института красной профессуры (ИКП). Они (во многом вслед за Е.А. Долговой⁸, комплексно изучающей это учреждение) высказывают сомнение в «государственном» характере этого проекта. Кроме того, подчёркивается, что ИКП нельзя рассматривать как традиционное высшее образовательное учреждение. Здесь делался акцент на практической подготовке, что приводило к низкому качеству научных компетенций его выпускников. Одновременно учреждение выполня-

ло функцию адаптации бывших участников Гражданской войны к мирной жизни.

Любопытен очерк об Обществе историков-марксистов. Официально оно просуществовало с 1925 по 1936 г., однако авторы выяснили, что фактически его работа прекратилась в 1932 г., более того, оно столкнулось с проблемами уже в конце 1920-х гг., в ходе свёртывания работы общественных организаций. Получается, что «спайки» между государством и Обществом не произошло, ему на смену пришли официальные учреждения.

Анализ кадрового состава Института истории Коммунистической академии (1929—1935) привёл авторов к выводу, что кадровая политика носила во многом ситуативный характер, разве что всё же сохранялось внимание к партийности сотрудников.

Рассмотрены способы контроля над историками. Отмечается, что главным «подконтрольным элементом» являлся не индивид, а коллектив, что позволяло отдельным учёным сохранять известную степень свободы. Авторы пришли к выводу, что практики контроля «фактически носили лишь внешний характер, диктуя темп научной работы или её общий стиль, но никак не содержание излагаемого материала» (с. 140—141). Мне кажется, это очень смелое заявление, хотя оно и нередко встречается в историографических трудах. Не отрицая существования известной (где-то даже значительной) доли свободы историков, всё же хочу напомнить, что многочисленные идеологические кампании и идеологические повороты напрямую отражались на научном творчестве. Во всяком случае, они давали понять, что одобряемо, а что признаётся идеологически вредным. И хотя механизм восприятия и воспроизводства идеологием в исторических трудах нельзя рассматривать прямолинейно, всё же

большинство следовало актуальным установкам или вынуждено было их учитывать.

В качестве приложений опубликованы словарь советских институций научно-исторического профиля, снабжённый актуальной библиографией, и документы по кадровому составу Института истории Коммунистической академии и Института истории АН СССР во второй половине 1930-х гг. Они, несомненно, пригодятся в образовательной и исследовательской работе. Вообще книга в силу информативности и компактности может использоваться как учебное пособие. В завершение подчеркну: монография не только фиксирует актуальные достижения исследователей советской исторической науки, но и выводит изучение её институциональной истории на новый уровень.

Примечания

¹ См. серию их публикаций: *Метель О.В.* Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918—1919 гг.) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 1. С. 184—191; *Клюев А.И., Метель О.В.* Проблемы институционального строительства советской исторической науки 1920-х гг.: Ленинградский институт марксизма // Клио. 2017. № 12. С. 13—19; *Метель О.В.* Институт истории Коммунистической академии

в отражении документальных свидетельств // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2017. С. 419—430; *Метель О.В.* Создание сети региональных отделений Общества историков-марксистов в 1930—1932 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 213—219; *Груздинская В.С., Метель О.В.* Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921—1923 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82—87; и др.

² *Крих С.Б.* Институциональная историография советского периода: начало // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 405—410.

³ *Бурдье П.* Поле науки // *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 473—517.

⁴ *Kaplan V.* Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington (Ind.), 2017.

⁵ Например: *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой исторической мысли. М., 2014; *Дубровский А.М.* Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М., 2018.

⁶ *Крих С.Б.* Институциональная историография советского периода: начало. С. 410.

⁷ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 289, 323.

⁸ См.: *Долгова Е.А.* Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921—1938 гг. // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2. С. 39—52; *Долгова Е.А.* Институт красной профессуры (1921—1938): от революционной идеи к практике воплощения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920—1950-е гг. Материалы X международной научной конференции. М., 2018. С. 216—225; и др.

Ирина Ханова

Рец. на: Постигая историю: к 70-летию члена-корреспондента РАН, президента РГГУ Ефима Иосифовича Пивовара. Сборник статей. М.: РГГУ, 2019. 433 с.

Irina Khanova

(Russian State University for Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Postigaya istoriyu: k 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN, prezidenta RGGU Efima Iosifovicha Pivovara. Sbornik statey. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870013889-8

В рецензируемом сборнике представлены статьи известных учёных, коллег и учеников юбиляра — док-

тора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара, посвящённые проблематике